

ЭКСПАНСИЯ КРЕМЛЯ И ИММОБИЛЬНОСТЬ ЗАПАДА

Нынешняя западная политика „умиротворения” Кремля путем всяческих обхаживаний и существенных уступок в обмен на пустые посулы соблюдать мир и договоры поразительно напоминает старые времена. Всем памятно трагическое заблуждение во время войны президента Рузвельта с его уступками Сталину в надежде „встретиться со Сталиным лицом к лицу и убедить его принять христианские пути и демократические принципы” (см. *The Great Globe Itself*, by W. Bullitt, 1946, p. 21). Впоследствии Уильям Буллит (первый американский посол в Москве) писал, что президент думал, что в Кремле сидит джентльмен, а там сидел „известный кавказский бандит Коба”. Полезно напомнить, что политикой Кремля и сейчас руководят прилежные ученики этого „известного кавказского бандита”. Но, как известно, в природе любого агрессора — рассматривать политику „умиротворения” не только как признак слабости противника, но и как прямое приглашение к продолжению политики экспансии. Именно так поняли бездействие демократических стран державы „Оси” и Советский Союз, захватывая чужие земли (захват Италией Абиссинии, Японией — Китая, Германией — Австрии, Германией и Советским Союзом — Польши, Советским Союзом — прибалтийских стран). Именно так понимают в Кремле сегодняшнюю политику „умиротворения” и тактику вы-

жидательного бездействия Запада в районах советской экспансии. Сейчас в Кремле пришли к убеждению, что для достижения своей цели вовсе не требуется развязывать новую мировую войну. Новые условия, новые объекты и новое оружие диктуют разработку новой стратегии. Появление термоядерного и ракетного оружия произвело переворот не только в технике войны, но и в советской концепции „мировой революции”. Термоядерная война — война на самоуничтожение. Это стало настолько азбучной истиной даже для советских агрессоров, что они на XX съезде (1956) пересмотрели стратегическую позицию Ленина, согласно которой мировые войны в эпоху империализма фатально неизбежны, а путь к мировой революции лежит именно через такие войны. Из „ревизии” Ленина в этом важнейшем вопросе революционной стратегии советские лидеры сделали два вывода: 1) от политики прямой агрессии Сталина надо переключиться на политику „мирной экспансии”; 2) от политики „мировой революции” через мировую войну надо переключиться на политику локальных революционных войн и „мирового революционного процесса”. Эти выводы были зашифрованы в известных формулах — „существование как форма классовой борьбы”, „мирное соревнование двух систем”, „разные формы социализма”, „мирный парламентский путь к власти”. Правда, такая „ревизия ленинизма”, да еще связанная с разоблачением преступлений Сталина на том же съезде, оказалась палкой о двух концах: антисоветское движение в тылу советской империи приняло грозные формы (Польша, Венгрия), духовное брожение среди советской интеллигенции становилось все более очевидным явлением, иностранные компартии начали проповедовать свои

собственные „национальные пути” к социализму, отличные от „советской модели”. Москва быстро увидела масштаб и глубину опасности и кровавым подавлением антисоветской революции в Венгрии преподала урок тем, кто не понял „политики дальнего прицела” новой стратегии, а именно, — войти в доверие некоммунистического мира, чтобы завоевать его изнутри без единого атомного выстрела. Правда, потом пришлось внести некоторые существенные коррективы в эту стратегию, выключив из нее, путем умолчания, тезис о разных формах социализма и путях к нему и объявив „советскую модель” универсальной, что было направлено, в первую очередь, против центробежных сил в странах-сателлитах. Но главная цель стратегии — изменение социально-политических систем в других странах — и главные методы достижения этой цели — организация „мирных” переворотов на Западе, просоветских локальных „национально-освободительных войн” в развивающихся странах плюс советская „мирная” экспансия (политическая, экономическая, идеологическая, военно-чекистская) во все части мира, — оставались в неприкосновенности. Новая стратегия была связана с именем Хрущева, но ее духовным отцом и автором был нынешний шеф-идеолог Кремля Михаил Суслов. Опыт показал, что Хрущев совершенно не подходит к той роли, которую ему отводил Суслов в новой стратегии. Берлинский ультиматум, кубинская авантюра с ракетами, срыв „встречи четырех великих” в Париже, размахивание Хрущевым кулаками на Парижской пресс-конференции по адресу Америки в связи с историей с „У-2”, — все это настраивало внешний мир против СССР, осложняя задачи новой стратегии. К тому же Хрущев приводил в ужас своих коллег по руководству, когда

честно и открыто начинал излагать „лицом к лицу” (так называлась книга о путешествии Хрущева по Америке) с американцами сокровенные цели новой стратегии: „Мы похороним капитализм без войны, а внуки нынешних американских сенаторов будут жить при коммунизме”. Здесь Хрущев нарушил священную заповедь Ленина: преступно говорить врагу наперед, что ты собираешься сделать с ним завтра. Все это вместе взятое, наверное, и напомнили Хрущеву, когда его свергали. Лишь покончив с хрущевским „волюнтаризмом”, собственно, и начали более „научное”, более систематическое, а потому и более эффективное применение новой стратегии.

На XXIV съезде КПСС (1971) эту стратегию подвергли некоторой модернизации, назвав ее „Программой мира”, причем слово „мир” понималось не как „отсутствие войны”, а как земной шар. Так родилась глобальная программа новой фазы советской политики экспансии с ее неизменной конечной целью: путем „мирной” инфильтрации и „идеологической” борьбы в индустриальных странах, путем „мирной” экспансии и „национально-освободительных войн” в развивающихся странах утвердить советскую форму коммунизма во всем мире.

Какую же концепцию самообороны выдвинул Запад против этого? Западная политика часто менялась и никогда не была целеустремленной. Корни лежали в непонимании того простейшего факта, что отказ от политики прямых агрессий Сталина или необдуманных диверсий Хрущева вовсе не означал отказа следовать „исторической миссии” ленинизма — превратить СССР в базу и опорный пункт для установления советского мирового господства. Ведь Сталина и Хрущева никогда не обвиняли в том, что они добивались того же самого, их обвиняли в неэффек-

тивности их методов в новых условиях. В остальном наследники Сталина и Хрущева — такие же агрессоры: не только по мировоззрению, но и по психологии. Кто оставляет их вызывающие действия безнаказанными, тот провоцирует их на действия, ведущие к катастрофе. Нет другого средства удерживать их от таких действий, как ясно и твердо внушить им, что при очередной провокации они встретятся с силой, превосходящей их собственную. Именно такая политика президента Трумэна и спасла от Сталина Корею, иранский Азербайджан, Турцию, Грецию, Берлин да и всю Европу („доктрина Трумэна”, „план Маршалла”, НАТО). Кратковременное правление президента Кеннеди — лучшее свидетельство того, что кремлевские лидеры уважают только силу и решимость ее использовать в случае необходимости (уже упомянутая история с ракетами на Кубе).

Весь послевоенный период — от Трумэна до Джонсона — презрительно называют периодом „холодной войны”, забывая, что как раз „холодная война” спасла мир и от „горячей войны”, и от дальнейшей экспансии коммунизма. Успехи этой экспансии связаны с эрой „разрядки” Брежнева—Никсона. Советские лидеры открыто заявляли, что психологический климат „разрядки” наилучшим образом способствует их внешнеполитическим целям. Разумеется, Никсон и Киссинджер никак не хотели им в этом помочь, но трагические события внутри страны во многом парализовали внешнюю политику Америки. Поэтому Киссинджер не успел довести до конца ни одно из своих начинаний, если не считать важное и разумное решение начать нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой. К тому же концепция Киссинджера относительно установления

„баланса сил” между потенциальными противниками, которую военные лидеры Запада перевели на свой, военный, язык как установление „стратегического паритета” между НАТО и Варшавским пактом, упускала из виду одну „мелочь”: коммунистическим вождям Кремля абсолютно чужда консервативная философия „баланса сил”, а их военным руководителям — разумная сама по себе доктрина „стратегического паритета”. Они знают только одну доктрину: *превосходство сил*. Сердцевиной советской военной стратегии и является принцип „превосходства сил” везде, во всем и любой ценой. Этой идеей пронизана и вся политическая стратегия Кремля.

Какова же была политическая концепция Киссинджера в отношении тыла советской империи? Трудно дать определенный ответ на этот вопрос, но, как сторонник классической дипломатии, он, кажется, был против „вмешательства” во внутренние дела Советов, и возникающие между ними и США трения хотел решать полюбовно — методами тайной дипломатии. Причем реальные интересы государства он ставил выше всяких моральных категорий, чему учили не только Макиавелли, но и Талейран с Меттернихом. Поэтому его концепция „баланса сил”, по крайней мере объективно, означала сохранение статус-кво не только между западными и коммунистическими государствами, но и внутри самих коммунистических государств (такова, например, „доктрина Зонненфельда” — для мира с СССР полезно „спокойствие” в Восточной Европе). Началась „переоценка ценностей” в американской политике. Сущность этой „переоценки” коллега Киссинджера — министр обороны США Лэйрд — определил так: Америка не хочет играть роль „мирово-

го полицейского” — в чем Советский Союз увидел свой уникальный шанс.

Заранее извиняясь перед читателем, хочу привести здесь один свой старый тезис. Семь лет назад, анализируя создавшееся тогда положение, я писал: „Мы сейчас проходим через тот этап в мировой политике, когда явно обозначились две тенденции двух сверхдержав, но тенденции, идущие в противоположном направлении, — в то время, когда Америка склонна к *сужению* своей активности в глобальном масштабе, СССР стремится к *расширению* сфер своего присутствия во всех частях мира, в то время, как Америка предлагает „кооперацию вместо конфронтации”, СССР проповедует „справедливые войны” и восстания в тылу Запада и в третьем мире” („Новый журнал”, книга 104, 1971, стр. 223-224). Сегодня мы имеем дело уже не с „тенденциями”, а с *фактами* активизации глобальной политики экспансии Советского Союза, с одной стороны, и с фактами устрашающей имобильности Запада — с другой. Советы готовились к новой фазе этой политики весьма основательно (см. предыдущие главы). Методы и средства достижения конечной цели политики советской экспансии для различных районов были выработаны дифференцированно, в зависимости от политических, социальных, национальных и даже географических условий. Для Западной Европы — они более или менее „мирные”, с той оговоркой, что не будет „сопротивления реакционных кругов” (см. „Программу КПСС”); для третьего мира — почти всегда насильственные.

Важнейшим элементом общеполитической подготовки новой фазы советской экспансии были также и настойчивые требования Кремля о созыве конференции в Хельсинки. Тут преследовались три яр-

ко выраженные цели: 1) международное закрепление за Советами уже завоеванных ими позиций в Восточной Европе; 2) моральное разоружение Запада в борьбе с мировым коммунистическим заговором; 3) открытие легальных предпосылок для инфильтрации идей и людей Москвы в тыл Запада. Мастерство большевиков в достижении этих целей поразительно, а бесхребетность Запада в деле отстаивания собственных интересов вызывает удивление. Кремль безнаказанно присвоил себе право игнорировать обязательства и использовать привилегии Хельсинкских соглашений. Правда, подписывая эти соглашения, Кремль и не думал их выполнять. Кремль просто хотел этими соглашениями успокоить или даже политически нейтрализовать Европу, чтобы обратиться к поиску знаменитых ленинских „звеньев” в мире.

Африка и Ближний Восток представляются сегодня лидерам Кремля одновременно и „слабыми” и „основными” звеньями. Вчера это была Юго-Восточная Азия, завтра будет Южная Америка, а тем временем, с благословения Кремля, еврокоммунисты доконают Западную Европу. Перспектива довольно мрачная, но при нынешней иммобильности Запада она может оказаться вполне реальной.

Время своего нынешнего наступления большевики избрали неслучайно. К постоянно действующим факторам, заложенным в агрессивной природе советского идеократического империализма, прибавились исключительно благоприятствующие внешние факторы. Шок неудачной войны во Вьетнаме выключил Америку на время из окраинных зон мировой политики, а Уотергейтское дело и безумные атаки американцев против собственной разведывательной службы за границей во многом парализовали

свободу действий американского правительства. Образовалось нечто вроде двоевластия — беспрецедентно сильный Конгресс и столь же беспрецедентно ограниченная в своих действиях администрация. Когда Северная Корея напала на Южную, президент Трумэн предпринял там „полицейскую акцию” и тем спас своего союзника, а вот когда прозападные силы в Анголе попросили у Америки лишь оружия и администрация Форда—Киссинджера хотела его дать, Конгресс наложил вето. Тем временем Кремль послал в Анголу не только оружие, но и кубинцев, и утвердил в сердце Африки коммунистический режим. Однако Ангола явилась для Кремля лишь испытательным полигоном в его африканской политике — здесь он проверял, насколько можно рассчитывать на *безнаказанность*. Проверка превзошла все ожидания: воюющей национальной Анголе не только никто не помог, но один из ответственных представителей американской администрации даже объявил интервентов Кастро „стабилизирующим фактором”. Успех вдохновил Кремль на дальнейшее расширение своей агрессии в Африке. „Африканский рог” — это только очередное „звено” в африканской политике Кремля по советизации всей Африки. Для Кастро Африка тоже служит испытательным полигоном по оказанию в будущем „братской помощи” и другим народам (в первую очередь, конечно, южноамериканским) в борьбе против „американского империализма”. Тут Кремль будет еще щедрее в поставке оружия и „военных советников”.

Следует указать и на другой важный фактор „военно-материальной подготовки” в советской политике экспансии: на кадры. Теперь уже всем ясно, что национальные коммунистические кадры для захвата власти в бывших колониях Португалии были

подготовлены Москвой за несколько лет до ухода португальцев. Более систематическую и более интенсивную подготовку таких кадров для всех континентов Советский Союз ведет с начала шестидесятых годов, когда был создан в Москве Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. „Руководящие кадры” — это, конечно, собственные, советские кадры, которых готовят в многочисленных специальных школах: в „дипломатических”, чекистских, военно-разведывательных, всякого рода интститутах иностранных языков, а также и в университете Лумумбы. Ведущие же кадры (среди „руководящих”), разумеется, чекисты, которыми сейчас в еще не бывалом масштабе наводнены Запад и „третий мир”. Едва ли я ошибусь, если скажу, что на своих международных диверсантов и шпионов Кремль расходует больше средств, чем все разведки в мире вместе взятые; поэтому расходы на КГБ в советском бюджете куда более засекречены, чем расходы на вооружение. Вторая неограниченная статья расходов — устная, письменная и радиопропаганда на всех языках мира, особенно интенсивная в развивающихся странах. Ее лейтмотив — очернение западных порядков, антизападное воспитание бывших колониальных народов, превознесение „советского образа жизни”.

Что же всему этому противопоставляет свободный мир? Какова его политическая стратегия? Можно ли еще остановить советскую экспансию? На первые два вопроса ответить трудно, но ответ на последний вопрос, в свете исторического опыта, настолько очевиден, что он может быть сформулирован коротко: „Назад к Трумэну!” Америка должна вновь возглавить свободный мир и выдвинуть „доктрину Трумэна” нового типа, с ясным предупреждением: отныне вмешательство Кремля и его сообщ-

ников в дела чужих народов и континентов не может остаться безнаказанным. Совершенно права была лондонская газета „Дейли экспресс“, заявившая недавно: „Мы должны надеяться на возрождение качеств Трумэна... чтобы нейтрализовать всякое проявление советской агрессии. Нам нужна сильная Америка, как человеку нужна кровь” (цит. по „Интернейшонал геральд трибюн”, 17.2.78).

Но есть еще и другая сторона проблемы, не менее важная — как и каким образом установить такой духовный контакт с народами советской империи, чтобы они, в свою очередь, оказывали систематическое давление на своих правителей для предупреждения их дальнейших внешнеполитических авантюр. Для решения этой проблемы нет иных путей, кроме дальнейшего развития „разрядки” вглубь и вширь, чтобы ее привилегиями пользовалось не только советское правительство, но и советские народы. Действенная во всех отношениях и гениально простая по форме идея президента Картера сделать защиту „прав человека” руководящим моральным принципом американской политики и есть самое лучшее средство для достижения такой цели. Впервые за всю историю советского режима глава иностранного государства, выдвинув столь неуязвимую идею, попал прямо в ахиллесову пяту советской диктатуры. Отсюда — бешеный вой советской пропаганды, отсюда — отказ выполнять соглашение в Хельсинки, отсюда же — и заявление советского правительства на Белградской конференции, что оно не подпишет больше ни одного документа, в котором будут вообще упомянуты „права человека”. Такой взрывчатой для режима оказалась проблема элементарных прав человека — для режима, вся философия которого основана на обесчеловечении человека путем насилия.